

Американ Босс

Автор:

[Алайна Салах](#)

Американ Босс

Алайна Салах

Гасославия

Когда являешься обладателем квартиры в центре Москвы, пользуешься бешеной популярностью у противоположного пола, занимаешь директорское кресло в преуспевающей фирме и имеешь двойное гражданство – жизнь прекрасна. По крайней мере так было до тех пор, пока я не согласился взять сводную родственницу на стажировку. Это стало самым глупым решением в моей жизни.

Книга содержит нецензурную брань

Алайна Салах

Американ Босс

Ограничение 18+, брань

Теги: босс и подчиненная, сводные родственники, юмор

Жанр: современный любовный роман, романтическая эротика, комедия

* * *

Тяжелое тело «Боинга-767» мягко шмякается о взлётную полосу, и по салону мгновенно разносится шквал аплодисментов. А ещё говорят, что русские не умеют радоваться. Двадцать с хером лет я летаю на свою вторую родину, и каждый раз в самолете хлопают и улюлюкают, словно старик Меркьюри ожил и в костюме стюардессы исполнил «Богемскую рапсодию».

– Мы русские, с нами Бог, – подмигиваю я своей престарелой соседке по бизнес-классу, которая во время посадки вцепилась своей костлявой витриной от Картье мне в руку и до сих пор не хочет отпускать. Она явно боится летать, потому что большую часть полёта молилась, уткнувшись в карманные псалмы. Я вообще и сам не в восторге от воздушных перемещений, со всеми этими осадками в виде падающих лайнеров, и даже обрадовался, что бабуля попалась набожной. Если ей и правда удастся разжалобить всемогущего чувака сверху, то его милостью и меня зацепит. Сидим-то мы рядом.

Бабуля медленно расцепляет пальцы и, убрав обесцвеченную прядь за ухо, начинает кокетливо мне улыбаться.

– Кстати, я Анята.

На Аняту она ну никак не похожа и даже на тётю Аню с натяжкой. При всех дорогостоящих косметологических инвестициях кричащий полтинник с её лица не срезать. Но так как мама с детства привила мне исключительные манеры, которые подпитываются стаканом крови английских джентльменов по бабкиной линии, я посылаю бабе Аняте вежливую улыбку и скромно представляюсь:

– Максим.

По хищным вспышкам в её подтянутых глазницах вижу, что она собирается и дальше практиковать на мне чары Бабы-яги, но, к счастью, оживший в кармане джинсов мобильный вовремя меня отвлекает.

– Одну минуту, Анята, – я посылаю старухе извиняющуюся улыбку и, бросив взгляд на экран, провожу пальцем по широкой улыбке своего бати.

– Ты и твой прибор приземлились в сохранности, сын? – раздаётся насмешливая американская речь в трубке.

И пусть я давно не ребёнок, приятно, что батя продолжает беспокоиться обо мне. Он у меня мировой мужик.

– Мы оба в порядке, пап, – отвечаю ему в тон на английском. – Ещё пара минут, и будем топтать московскую землю.

– Ты у меня на заднем сиденье мешок с оптовой партией презервативов оставил. Решил забить на айтишные технологии и заняться контрабандой резины?

– Безопасность превыше всего, пап, – ухмыляюсь я, разглядывая носы своих номерных джорданов. Да, с гондонами лажа вышла. – Маме только не показывай.

– Ладно, – великодушно объявляет отец. – Набери, как будешь дома. Всем привет передавай.

– И деду? – спрашиваю с усмешкой, зная об их многолетней мужской привязанности друг к другу. Их беседы за общим обеденным столом во время родительских визитов в Россию – лучшие рэп-батлы, что я видел.

– Деда обними так, чтобы у него позвоночник хрустнул, – незамедлительно отзывается отец.

– Конечно, пап. Скажи маме «хай» от меня и столицы.

Повесив трубку, возвращаю взгляд к престарелой кокетке, которая вжалась в кресло и теперь смотрит на меня с подозрением. Снова этот взгляд. Нет, бабуля, я не агент Госдепа, прилетевший с целью посеять хаос в рядах мировой державы. Просто двадцать три года назад одна коренная москвичка и не менее коренной житель Нью-Йорка пали жертвами неземной любви с первого взгляда, поженились, и на свет появился я, двухметровый красавчик, одинаково

владеющий русским и английским наречием. Макс Леджер, верноподданный России и США, к вашим старушечьим услугам.

Небольшая ремарка: автор не считает прекрасный возраст 50 – старушечьим. Здесь речь идёт о тридцатилетней разнице в возрасте между ГГ и флиртующей соседкой.

2

– Ну вылитый папаша, – ворчит дед, вылезая с заднего сиденья своего «Гелендвагена». – Аж глаз дёргаться начинает. Ладно хоть ростом в меня пошёл.

Вообще-то баскетбольным ростом я тоже пошёл в отца, но вслух об этом не скажу, чтобы пощадить тщеславные седины Игоря Жданова. Характер у старика, конечно, сучий, но меня он обожает.

– Слава России, дед Игорь! – Я игнорирую протянутую руку и стискиваю его в родственных объятиях. – Никак в криокамере спишь. Двадцать лет знакомы, а ты всё как Нео замороженный.

Расцепив приветствие, мы по очереди ныряем в прохладный салон штутгартского автопрома, и дед делает царственный жест рукой, понукая извозчика трогать.

– В гости заедешь? – спрашивает дед, когда мы, покинув парковку Шереметьево, выезжаем на оживлённую трассу. – С бабкой твоей новой познакомлю.

Меньше полугода назад дед женился в третий раз, и его избранницей стала сорокалетняя молодуха. Седина в бороду, как говорится, но я за родственника рад. Здоровья в нём побольше, чем во многих моих нью-йоркских приятелях, так что пусть развлекается. Не удивлюсь, если ещё и папашей в ближайшее время

станет.

– Не, дед. – Я подхватываю торчащий из подлокотника боржоми и, открутив крышку, делаю жадный глоток. Вещь. – Давай я завтра заеду. Сегодня дома хочу поваляться и телик повтыкать.

– Ещё скажи, что у тебя там цветы на подоконниках не политы, – фыркает тот. – Лет тебе сколько? Год на родине не был, а всё задницу поскорее на диван пристроить хочет. Москва – это тебе не Америка твоя вялая. Здесь жизнь бьёт ключом.

А вот и сучий характер вкупе с национализмом. Дед – ярый русофил и американофоб, и то, что его единственная дочь, то бишь моя мама, двадцать два года замужем за американцем, ничуть положения не спасает.

Разумеется, я не собираюсь валяться на диване и втыкать местное зомби-ТВ. Я по прилёте предусмотрительно селфи с геолокацией в инсту запулил, и теперь мой телефон разрывается от невинных девичьих «С приездом, Максим» до членодробительного «Помнишь, я обещала, что разрешу в задницу». Короче, планов на вечер – хоть отбавляй, а я до жути соскучился по московским красавицам. Всё-таки русские девчонки – это топчик. Если дома в Нью-Йорке нужно скрупулёзно подходить к выбору объекта для спаривания, то центровая Москва – это витрина элитной кондитерской, где можно тыкать пальцем в первое попавшееся пирожное и знать, что не прогадаешь. Такие экземпляры встречаются, что голливудские примадонны на их фоне ущербными крокодилицами кажутся. В общем, мой Макс-Джуниор – стопроцентный русский патриот. И это ещё одно качество, которым я пошёл в отца.

– Завтра с цветами приеду челом бить, дед. Мне ещё на фирму нужно заскочить и веселых пендалей раздать, чтобы сотрудники не расслаблялись.

Это, собственно, одна из причин, почему каждое лето после учёбы я приезжаю в Москву. Прохожу своеобразную стажировку в рашн-филиале компьютерной фирмы отца. Ну, как стажировку. Вообще-то я и есть босс: кожаное кресло, крутой кабинет, ворох подчинённых и приёмная в комплекте с аппетитной секретаршей Алёной, которая третье лето подряд недвусмысленно намекает, что не прочь расширить сферу своих секретарских обязанностей и лихо подмахнуть мне на столе. И пусть сиськи у неё что надо, но я и мой Макс-

младший – дуэт с принципами: ни к чему мешать работу с удовольствием. Отец должен мной гордиться.

– Правильно, – одобрительно кивает дед. – Не хер лентяям давать расслабляться. Хозяйский пендаль лишним не...

Он не успевает договорить, потому что гелик так резко тормозит посреди дороги, что мы едва не бьёмся носами в передние кресла, после чего тонированные стёкла моментально сотрясаются грозным гарканьем.

– Миша, мне нового водителя искать, что ли?! Ты ослеп никак? Не видишь, тут корова в сарафане в Пятёрочку за сосисками по акции торопится? Так спешит, что жопой своей капот мне память готова. Светофор же не для неё красным по белому горит.

Дедовский шофер Михаил – дядька-кремень. У него на ор либо иммунитет выработался, либо он глухонемой. Я за два года так и не понял.

– Дело у меня к тебе есть, Максим, – уже более спокойно говорит дед, когда мы выкруливаем на родную Спиридоновку. – У Любы моей дочь в МГУ гранит науки грызёт третий год. Ей практика на лето нужна. Взял бы сам... – тут он брезгливо кривит рот, словно унюхал что-то несвежее, – да баб у себя в офисе на дух не переносу. Пусть лучше с твоими мышами компьютерными постажируется.

Вообще-то я цыпочек на работе тоже не слишком жалую. С мужиками как-то проще, что ли. Алёну-то нанял в качестве красивой феньки на ресепшен, ну и чтобы не заподозрили в дискриминации по половому признаку. Хотя Раша этим особо не грешит. Это у нас в Америке нужно тщательно следить, чтобы чёрных, геев, инвалидов и женщин было поровну. Чуть не досчитаются – и полетят тебе на голову яйца общественного порицания.

Но деду я, конечно, отказать не могу. Он меня редко о чём-то просит. Вернее, не просит вообще.

– Пусть приходит в понедельник к восьми. Отстажирую, как следует.

– Я тебе, на хрен, отстажирую! – рявкает дед так громко, что у меня на пару секунд закладывает уши. – Пальцем не смей трогать её, плейбой заграничный. Не посмотрю, что ты мой наследник – ноги твои долговязые вместе с кроссовками вырву. Она родственница твоя, понял? Тётя, можно сказать, младшая.

Терпеливо дожидаясь, пока дед перестанет орать, и, успокаивающе хлопнув его по плечу, поясняю:

– Я персонал не е... Не трогаю. Так что за честь моей так называемой тёти вы с новой бабулей можете точно не волноваться. Имя-то у родственницы есть?

– А сам как думаешь? – ворчливо откликается дед. – Ника её зовут. Ивлеева.

Ни-ка. Милое имечко.

3

– Доброе утро, Максим, – жеманное контральто Алёны рассекает воздух приёмной одновременно с подпрыгнувшими из-за стойки четвёрками. Которые теперь почему-то выглядят пятёрками. Апгрейд она, что ли, произвела? – Я так рада тебя видеть.

– Привет, Алён, – я целомудренно подмигиваю секретарше и вручаю дьюти-фришный пакет со склянкой парфюма. С нотками фрезии, бергамота и бла-бла-бла. Я, как летняя версия Санты, всегда приезжаю в Россию с мешком подарков. Правда, вместо оленей с санями у меня под задницей чёрный «Камаро». И не бомжацкая трёхлитровая версия для понторезов, а мужицкая шесть и два.

Алёна быстро ныряет носом с пакет и, выдохнув чересчур восхищённое «О-о-о», с размаху врежется в меня упругими телесами.

– Подарок просто супер, Макс, – с придыханием щекочет мне ухо. – Могу ли я тебя отблагодарить?

Её попытка номер сто пять стать услужливой дыркой для босса.

– Можешь, конечно. Сваргань кофейку, малыш. – Я с трудом отлепляю от себя крупнокалиберные присоски и одариваю стремительно вянущее лицо Алёны утешительной улыбкой. – Он у тебя на пять с плюсом выходит.

Макс-Джуниор от её аппетитной мясной близости даже не дёрнулся. Он вчера такую длительную аудиенцию с тремя представительницами гламурной московской тусовки провёл, что ещё дня три в отключке валяться будет. Да и толкательно-пихательные гастроли у него на две недели вперёд расписаны.

В течение получаса я обхожу свои офисные владения, беседуя с сотрудниками и походя одаривая их подарками от шефа. Это у деда халдеи под себя ходят, едва он на пороге появляется, а лично мне приятна атмосфера душевности. Хочу, чтобы мои подчинённые не для галочки вкалывали и не потому, что в случае невыполнения их, как провинившегося кота, в лужу мордой ткнут, а имели понимание, что мы сотрудничаем во имя единого дела. Вот такой я продвинутый шеф.

Возвращаюсь в свой кабинет и, с удовлетворением упав задом на железный трон, открываю крышку ноутбука. Быстро просматриваю отчёты за последнюю неделю, а в голову тем временем назойливой мухой пытается пробиться мысль, что я о чём-то забыл. Впрочем, телефонный звонок по внутренней линии моментально даёт подсказку.

– Максим, – говорит налитанный ревностью голос Алёны. – Тут к тебе какая-то Ника пришла.

Точно! Я же, помимо подарков, ещё и благотворительностью занялся. Выступаю спонсором стажировки для сводной тётки Ни-ки.

– Пусть заходит, – по-деловому бросаю я в трубку, чтобы зарубить на корню неуместную секретарскую ревность. Если так и дальше пойдёт, нужно будет депортировать Алёну и её буфера на просторы ХедХантера. Все эти бразильские страсти в офисе мне на хер не нужны.

Безукоризненное мамино воспитание заставляет меня встать с кресла и пойти к двери, чтобы обеспечить родственницу царским приёмом. Если уж я беру на себя

ответственность что-то сделать, то выполняю это с душой. Пусть тётя Ни-ка оценит, какой охеренный племяш ей достался.

Я дёргаю ручку, чтобы впустить посетительницу, и через секунду выясняю, что сделал это зря. Потому что она то же самое пытается проделать с той стороны и, как результат, падает передо мной ниц в коленно-локтевую. Мою любимую, кстати.

В поле зрения попадают юбка с шотландским принтом, задравшийся подол которой открывает стройные ноги, белая рубашка и тёмная копна волос. Ничего так тётя.

– Анастейша Стил? – не удерживаюсь я от киношного дежавю и под тихое бормотание помогаю тёте Ни-ке встать.

Родственница выпрямляется и несколько секунд глазеет мне в грудь, после чего задирает нос выше, и мы встречаемся глазами. Ух, бля-я-я. Вот это глазищи. Словно «Блю Кюрасао» заморозили в лёд и раскололи. Ярко-голубые с серебряными прожилками. А ещё аккуратный нос с россыпью веснушек и крохотное колечко в нём.

– Здравствуйте, Максим... э-э-э...

Девчонка беспомощно хлопает глазами, явно пытаюсь сложить моё имя и отчество. Голос у неё милый и высокий, как у Пикачу.

Приходится дать себе смачного леща, чтобы перестать на неё тарашиться, но с самоконтролем у меня проблем никогда не было, поэтому уже через секунду я вновь бодр и невозмутим.

– Можно просто Максим, – одариваю её покровительственной улыбкой и немного отступаю.

Ну не Максим Гасович же меня называть. Это русско-американское сочетание – словно в воздух насрали, честное слово.

– Я Ника Ивлеева, – смущённо говорит тётя Ни-ка и опускает глаза.

Ой, да какая она мне, на хер, тётя. Тёти должны быть пухлыми, со следами химзавивки в волосах и яркой помадой. А этот ангелок с... м-м-м... третьим размером, тонкой талией, длинными ногами и взглядом оленёнка Бэмби – верный кандидат на многочасовое свидание с Максом-Джуниором. Конечно, чисто гипотетически. Потому что если один минус в виде служебной иерархии можно вычеркнуть после того, как закончится её стажировка, то орущий минус в лице разъярённого деда Игоря не сотрёшь, как ни старайся.

– Рад познакомиться, Ника. – Я галантно придвигаю для неё посетительский стул и, проследив как новоиспечённая стажёрка робко на него опускается, иду к своему железному трону. – Расскажешь немного о себе?

Приняв деловую позу, я фокусируюсь глазами на Нике, пытаюсь удержать зрительный контакт, но взгляд, словно неудачник-скалолаз, соскальзывает с её лица вниз, жадно цепляясь за спасительные выпуклости, на которых аппетитно натянулась наглухо застёгнутая рубашка.

– Я учусь на третьем курсе МГУ, – журчит тоненькое сопрано, так контрастирующее с Алёниной томностью. – На факультете социологии.

Тю. У нас тут няша-социолог. Интересно.

Собравшись, я перемещаю взгляд Нике на лицо, от чего она вновь смущённо опускает ресницы и прикусывает нижнюю губу зубами.

Чёрт знает, в чём дело, но от этого невинного приёма Макс-Джуниор вдруг решает взять на себя функцию домкрата и пытается приподнять стол. Я быстро закидываю ногу на ногу, чтобы его придушить, и со всей серьёзностью уточняю:

– Опыт составления маркетинговых исследований есть?

В ответ следует кивок переливающейся копны волос и полный готовности взгляд.

– Есть. На втором курсе я делала тестовое исследование для крупной сотовой компании.

– Как с презентациями дела обстоят?

– Я владею навыками работы с графическими редакторами, если вы об этом.

«Вы»? Это что за бабуйня?

– Сколько тебе лет, Ника? – я слегка подаюсь вперёд.

Девчонка снова вскидывает на меня свой блю кюрасао взгляд и быстро хлопает ресницами.

– Мне двадцать один.

Значит, по законам штата Нью-Йорк с голубоглазой Бэмби официально можно делать всё что угодно.

– Я это к тому, что ты можешь обращаться ко мне на «ты», Ни-ка. На первое время предлагаю тебе попробоваться в аналитическом отделе. – Представляю, как занервничает эта робкая лань, когда я подсажу её в стан своих боевых покемонов, и поясняю: – Коллектив у нас мужской, но обижать тебя никто не станет.

Надо будет всех предупредить, чтобы дышать в её сторону не смели. Если великий полководец на диете, значит и вся конница поститься будет.

– Такое предложение тебя устраивает?

Лицо Ни-ки озаряется солнечной улыбкой, и мне становится неловко за то, что на короткие несколько секунд я представил, как поимел её между сисек.

– Я согласна на всё, что ты предлагаешь, Максим.

Оу-у. Следи за языком, девочка. С детства страдаю живостью воображения.

– Вот и отлично, – я улыбаюсь сквозь зубы и жму кнопку селектора. – Алёна, отведёшь Ни-ку в кабинет к Стасу. Об остальном я его сам проинструктирую.

Ни-ка поднимается, а я невежливо остаюсь сидеть. Самое ценное качество для руководителя – умение принимать молниеносные решения в критических условиях. В моём случае – это спрятать под столешницей дубовый стояк. Уж лучше прослыть невежей, чем извращенцем.

Алёна появляется на пороге с каменным выражением на лице и вдвое укоротившейся юбкой, из-под которой выглядывает пояс чулок. Эх, Алёна-Алёна. Меня порнуха с двенадцати лет не вставляет. А вот красивая эротика в виде слегка задравшегося килта Бэмби очень даже.

– Ещё раз спасибо, Максим, – мило кивает Ника и семенит своим стройными оленьими ножками за раскачивающимся бампером Алены.

– Пожалуйста, блядь, – ворчу я, когда дверь за ней захлопывается и, выудив из брюк мобильный, набираю Владу, своему московскому корешу по самым отвязным тусовкам. Кажется, Макс-Джуниор вышел из отпуска раньше, чем ожидалось, и мне срочно нужно его проветрить.

4

– Сижу я, короче, в «Чайхоне», кальяном пыхаю, – захлёбываясь энтузиазмом, рассказывает Влад, пока мы вылезаем из моего мускул-кара на парковке клуба «Lookin Rooms», – и вижу, лицо знакомое у тёлочки. Приглядываюсь, а это Лера из Избы-2, прикинь. Ну я ей за столик сразу бутылку шнапса послал, она мне в ответ заулыбалась, после чего я к ней, естественно, на лавку прыгнул, ну а дальше...

– Изба-2? – я удивлённо поднимаю брови. – Так она старуха, поди. Я ещё в памперсы гадил, когда они в телике бабки Иры у костра грелись.

– Так это шоу ещё долго не вымрет, потому что даёт пинок в красивую жизнь симпатичным мордашкам. Там засветиться – это ж как медаль на собачьей выставке получить. Участницу потом какой-нибудь упакованный носорог замуж возьмёт и будет своим приятелям по бизнесу хвастаться, что его карманная чихуахуа в прошлом телевизионная селебрити.

Каждый раз, как пообщаюсь с Владом, я понимаю, что ни черта не смыслю в московских понтах. Это прямо целая наука какая-то.

– Кстати, я думал, что ты раньше пятницы не объявишься, – говорит приятель, когда мы минуем зону мышцатого фейс-контроля и оказываемся в грохочущем от басов коридоре.

– Решил проветриться немного. И заодно расширить круг московских знакомств.

– Новое мясо всегда хорошо, – философски заключает Влад, логично угадывая, что я сюда не с мужиками о компьютерных программах пришёл болтать. – Зацени, справа по курсу. Блонди на тумбе задницей крутит, видишь? Это Анька – огонь-девчонка. Могу познакомить, если хочешь. Гуттаперчевая, как мармеладный червь из Харибо. Реально во все стороны гнётся.

Фу. Во-первых, танцовщица гоу-гоу – это клише из бюджетного порно. Во-вторых, её уже имел Влад, а собирать вторяки за другом – это моветон и дважды фу. А в-третьих, я докторскую степень по дисциплине «Пикап за три минуты» ещё в восемнадцать получил и помощь выпускника-бакалавра мне не требуется.

Сканирую кишашую телами барную стойку в ожидании сигнала от Макса-Джуниора, и тот, словно примагнитенная стрелка компаса, меньше чем через минуту указывает мне верное направление. Туда, где на высоком табурете восседают песочные часы: изящная спина в коротеньком топе и узкая талия, переходящая в аппетитную джинсовую округлость. Вид слюнособирательный. И это девчонка ещё сидит. А если её поставить в мою любимую, то вид станет десятикратно соблазнительнее.

«Не если, а когда!» – требовательно рявкает Макс-Джуниор, недвусмысленно сигнализируя о том, что свои предпочтения на сегодня он уже определил. Я с ним полностью согласен.

– Сам справлюсь, бро.

Я хлопаю Влада по плечу и, оставив его истекать слюной на извивающуюся Харибо, иду к барной стойке.

Вернее, это со стороны я просто иду, а на самом деле занимаюсь экспресс-аналитикой: девчонка сидит с подругой, никакого хмыря со взглядом боевого Хатико поблизости нет. Это плюс. Так, пьёт она что? Мохито? Секс на пляже? Оу. Шот текилы. Да у нас тут зажигалочка. Кольца на безымянном пальце руки, обёрнутой вокруг рюмки, тоже нет. Это замечательно. А то в прошлые свои каникулы я чуть не вляпался с одной мадам. В приступе рыцарского альтруизма до дома вызвался довести, когда она возле ночного клуба голосовала. Дорогой ни единого сексуального намёка не сделал, потому что спать хотел сильно, а как собрался пассажирку высаживать, она вдруг головой под руль нырнула, да так шустро, что я и понять ничего не успел. Вцепилась мне в ширинку, как голодная пиранья, – не отодрать. К счастью, я ещё в трусах был, когда в стекло постучали, и перекошенная мужская рожа стала орать, что я его жену растлеваю. И даже втащить бедолаге рука не поднялась. У него и так горе: суженая – автомобильная шлюха. В общем, с тех пор я стал осмотрительнее.

До песочных часов остаётся всего пара шагов, когда девчонка рушит наши с Джуниором завоевательные планы: лихо запрокидывает текилу в себя и, тряхнув длинным каштановым хвостом, спрыгивает со стула.

Несколько секунд мы с Максом-Джуниором глазеем вслед завлекательно раскачивающейся пятой точке, идущей на танцпол, после чего твёрдым шагом движемся на ней. Он твёрдым, а я – шагом. Даже хорошо, что она пошла танцевать. Заценю, как часики двигаются. Если дрыгаются как неповоротливое бревно, то коечной феерии не жди, и лучше сразу дать заднюю.

Я протискиваюсь вглубь парфюмированной массы, качающейся в такт музыке, но нужного объекта не нахожу. Ни справа, ни слева. И когда уже думаю, что он потерялся, натываюсь взглядом на загорелую поясницу.

Уф-ф. Младший даже немного вспотел. Потому что, согласно моей постельно-танцевальной теории, эта девчонка владеет мастерством гейши. Она так эротично вращает задом, идеально вписываясь в музыкальный ритм, что я секунд на тридцать зависаю на этом зрелище, не в силах пошевелиться. Может, позже удастся уговорить её на стриптиз. Вокруг моего шеста.

Вообще-то я не из тех, кто распускает руки, предварительно не узнав имени, но сейчас все обстоятельства говорят за. Темно, тесно, девчонка дерзко сексуальная, и у меня стоит. И пусть я до сих пор не увидел её лица, но знаю, что и анфас меня не разочарует. Ну не может в такой прелестной обёртке

прятаться страшилище. У меня на это чуйка.

Подхожу ближе и совершаю первый ненавязчивый заход: провожу пальцами по загорелому предплечью. Не переставая двигаться, девчонка слегка поворачивает голову в мою сторону, демонстрируя аккуратный профиль, и задорно скалится. Утиного клюва нет. Это радует. А то, что не отшатнулась, радует вдвойне.

Я вдыхаю ванильно-жасминовый запах её волос и, спустившись пальцами до запястья, перемещаю ладонь на обнажённую полоску её живота. Кожа тёплая и гладкая, и даже пресс что надо. Двойной джек-пот.

В ответ девчонка откидывает голову мне на плечо и выпячивает зад, упираясь прямым в цельнометаллическую башку Макса-Джуниора. Ну здесь я, конечно, поддаюсь секундной слабости и сильнее прижимаю её к себе, чтобы дать этим двоим в волю наобниматься.

– Вообще-то, я хотел сначала представиться, – наклоняюсь к её уху. – Но сегодня готов изменить традиции.

И вот с этого момента всё идёт не по плану. Потому что вместо томного мурлыканья в ответ жасминовый хвост хлещет меня по лицу, и через секунду я ловлю разъярённый блю кюрасао взгляд.

– Ты совсем охренел, хорёк рукастый! Да я твои мелкие яйца...

Злобное верещание обрывается, и я ошалело таращусь на шипящую фурию, а она, раскрыв рот, глазееет на меня. Колечко в носу, голубые льдины глаз и задорные веснушки. Здравствуй, блядь, тётя Ни-ка.

5

Ника

Ох ты ж чёрт. Вот это ты, Ники, попала. Двойная эпическая лажа. Потереться о стояк смазливой бабуины, который оказался моим временным шефом, и тут же роль блеющей скромницы провалить. Так и знала, что после второй текилы мой гадский темперамент даст о себе знать.

Так, стоп, соберись. Ещё не всё потеряно. Глаза в пол, робкая улыбка и голос понежнее. С румянцем смущения на лице и так порядок. Ну а кто бы на моём месте не покраснел? Этот орангутанг двухметровый меня через джинсы едва не поимел. Что у него там запрянуто, кстати, вообще? Свёрнутый шланг пожарный?

– Здравствуй, Максим. – Трепетно поморгав, я поднимаю глаза и встречаюсь с пристальным зелёным взглядом. Для чего парню такие густые ресницы? Это же преступление против женщин. – Не понимаю, что на меня нашло. Все эти слова – это совсем не то...

– Не то, что ты хотела сказать? – с ухмылкой перебивает парень и начинает широко улыбаться. У него ещё и ямочки. Ямочки на щеках, чтоб его. – Нет, именно это ты и хотела сказать, Бэмби. У тебя грязный, очень грязный... – он явно нарочно фокусируется на моих губах, – рот.

Лицо начинает полыхать, как от порции съеденного том-яма, потому что в его голосе и взгляде столько недвусмысленности, будто бы в своём воображении он только что надо мной надругался.

– Мне бы не хотелось, чтобы у тебя создалось превратное впечатление обо мне, Максим. Мне совсем не свойственны...

Я запинаюсь, так как в этот момент он придвигается ближе, и мне невольно приходится задрать голову вверх. Этот русско-американский орангутанг чертовски высокий. Его дыхание доносит запах грейпфрутовой терпкости, и в этот момент я некстати думаю, что хочу грейпфрут. Только плёнки нужно не забыть снять, чтобы не горчило.

– Я видел тебя в баре, Бэмби. Пьёшь как заправская ковбойша, а танцуешь... – говорит он и снова делает паузу, окидывая меня взглядом, от которого кожа моментально начинает зудеть как от ожогов крапивы, – словно не вылезает из клубов. Добавим сюда грязный язык и то, как ты выразительно тёрлась об меня задом, и получим совсем не тот образ, с которым ты пришла на стажировку в

мою фирму.

Окей, братишка. Уел. Но попытаться всё же стоило.

– А немного ли ты о себе возомнил, Максим Гасович? – Я мысленно торжествую, глядя, как вытягивается лицо красавчика. Да уж, сочетание похлеще огурцов с малиновым вареньем. – Следишь за мной в баре, потом лапаешь меня на танцполе, и трёшься своим... что там у тебя, кстати? Пронёс бутылку вискаря в штанах, скряга запасливый?

Несколько секунд мой, теперь уже не сомневаюсь, бывший шеф ошарашенно глазеет на меня, хлопая выдающимися ресницами, после чего его челюсть расплывается в сияющем оскале.

– Предложил бы распить тебе этот вискарь, Бэмби, вот только с сотрудниками не пью. Хотя твой грязный рот с удовольствием бы им продезинфицировал.

Уф-ф. То есть он меня пока не уволил, и мне не придётся лекцию о своей нерадивости от мамы выслушивать? Так, стоп. Чего-о-о?

– Ты это о чём, Максим Гасович? – Я делаю шаг вперёд и нарочно наступаю на его кроссовку. – Чего ты там дезинфицировать собрался?

Его глаза, прищурившись, оглядывают моё лицо, а от аромата грейпфрута во рту собирается слюна. Надо будет в «Азбуку Вкуса» по пути домой заскочить обязательно.

Ко мне вдруг приходит осознание, что мы стоим слишком близко, поэтому я выдёргиваю каблук из его ноги и начинаю пятиться назад. Едва делаю шаг, огромная ручища ловит меня за талию, а лицо обдувают хриплые грейпфрутовые вибрации:

– У тебя линзы?

Меня парализует от этого беспардонного жеста, а рот сам раскрывается, чтобы сказать:

– Какие, на фиг, линзы. Всё натуральное.

После этого зелёные глаза хватчика, как по команде, соскальзывают к моей груди. Ох ты ж, кобелюга.

– Руки убери, Максим Гасович, – рычу ему в лицо. – А то отпинаю тебя по чекушке.

– Ты так старательно ублажала мою ширинку и теперь точно имеешь представление о том, что Макс-Джуниор размером с полноценный литр, – усмехается ублюдок, но руку всё же опускает. – Домой ехать не пора? Тебе на работу вставать рано, а шеф у тебя, говорят, злюка и терпеть не может, когда опаздывают.

– Спасибо за заботу, Максим Гасович, – я сахарно улыбаюсь ему во все тридцать два зуба. – Но насчёт моего шефа вы, кажется, ошиблись. Он таким мне... м-м-м... мягкотелым няшей показался.

Ох, Ники. Вечно твой длинный язык вперёд мозгов прёт. У красавчика даже челюсть скрипнула как дверь несмазанная. Прощай, стажировка, здравствуй родительский вынос мозга. Давно подозреваю у себя лёгкую форму копролалии (непреодолимое импульсивное влечение к циничной и нецензурной брани безо всякого повода – прим. автора), но рядом с этим парнем она чрезмерно усугубляется.

– Мягкотелым няшей? – вкрадчиво переспрашивает Максим Гасович и, склонив голову на бок, делает ко мне шаг.

Вообще, на няшу он не похож даже отдалённо. Тёмные бровь нахмурены, челюсть ходит ходуном, а на бицепсах вены вздулись. Ничего так, кстати, бицепсы. Тьфу, Ника, не о том ты думаешь. Похоже, этот русско-американский кекс свой альфа-статус собирает отстаивать. И что я смогу сделать, если он меня к себе на плечо закинет и в свою волчью нору утащит, кроме как съездить по его разбухшей Кока-коле?

– Пупсик, вот ты где!

Воздух облегчения покидает мои лёгкие со звуком спустившегося воздушного шарика. Глеб. Где он вообще всё это время лазил?

- Ты кто? - Это уже мой красавчик-шеф с угрозой глазеет на улыбающегося Глебасю.

Вот странно, мне всегда казалось, что Глеб высокий и плечистый, но сейчас, стоя рядом с Максом Гасовичем, он словно стремительно теряет свои атлетические объёмы. Как Человек-Муравей рядом с Капитаном Америкой.

- Я Глеб, - продолжая улыбаться, говорит Глеб и протягивает руку.

Он у меня немного простодушный, но это даже ему в плюс. Сейчас простых хороших парней днём с огнём не сыскать. А я нашла. В книжном на Тверской, кстати.

- Это мой парень Глеб. - Я подхожу к Глебасе и, обхватив его лицо руками, смачно клюю в губы.

Вообще-то я не любительница всех этих публичных ми-ми-ми, но надо ж рычащему пёсику его место указать. Ширинку я его ублажала, видите ли. За кого этот заграничный крендель меня принимает?

Несколько секунд Максим Гасович пытается меня глазами, словно старается уличить в очередной симуляции, после чего пожимает протянутую руку Глеба и бросает:

- Рабочий день начинается в восемь, Ни-ка, не опаздывай.

И пока я подбираю очередную ответную остроту, он разворачивается и скрывается в дрыгающейся толпе.

- Я тебя потерял, пупсик, - воркует Глеб, поглаживая меня по плечу.

Он говорит что-то ещё, но я его не слышу, потому что мозг зацепился за ноту, которая перебивает каждую следующую мысль в моей голове. Как-то смешно русско-американский метис произнёс моё имя. Как будто по слогам. Ни-ка.

Ника

– Как прошёл первый день стажировки, Никуш? – ласково спрашивает мамин голос в телефонной трубке, которую я придерживаю одной рукой, пока второй пытаюсь застегнуть молнию на юбке.

Я снова опаздываю. Это прямо-таки проклятие, честное слово. Даже если я заведу будильник на пять утра, всё равно из дома выйду ровно во столько, чтобы к месту предполагаемой встречи мне приходилось бежать с риском подвернуть ногу. П – проскрастинация. Моё второе имя.

– Э-э-эм... отлично, мам. Как раз собираюсь выходить.

– Как прошло знакомство с Максимом? Игорь им очень гордится, Никуш. Говорит, что мальчик весь в него пошёл.

Вот точно. У маминого мужа Игоря нрав как у необъезженного испанского быка. В его присутствии в няшу-скромняшу и играть не приходится – само выходит как-то. Я даже за маму первое время переживала: вдруг превратит строптивый доминатор Игорь Жданов талантливого инженера Любовь Ивлееву в забитую домашнюю наседку. Но мама ничего так вроде, держится. На работу по-прежнему ходит, счастьем светится и даже пироги стала стряпать. С мясом. Нашла правильного дядечку, стало быть.

– Ну, раз Игорь гордится, значит, есть чем, – отвечаю я уклончиво. – Да нормальный он вроде мам. Мы толком пообщаться-то не успели.

Тут я скрещиваю пальцы, потому что врать маме очень не люблю, делаю это крайне редко, а когда делаю, опасаясь, что на меня падёт небесная кара в виде непроходящего прыща или приставучего поклонника. Но не могу же я рассказать, что дочь ненароком потёрлась в клубе о выдающиеся причиндалы гордости её нового мужа, которого по алкогольной случайности спутала со своим парнем, а потом ещё в грубой форме пригрозила эти самые причиндалы

отпинать.

– Ты уж не обижай его, Никуш, – мягко увещевает мама. – Мальчик хороший, а стажировка всего пару месяцев будет длиться.

От наивности маминого предположения из меня вырывается непроизвольное лошадиное фырканье. Хороший мальчик? Этот похотливый орангутанг? Да если бы я вовремя не взбрыкнула, он меня посреди танцпола поимел бы. Так что этот Максим Гасович – кто угодно, только не хороший мальчик. Вот Глебася – хороший мальчик. Интеллигентный, спокойный, надёжный, относится ко мне с уважением и никогда бы не позволил себе так фривольно распускать руки.

– Мамуль, созвонимся позже, ладно? – решаю оборвать разговор до того, как придётся оптом закупать «Clearasil». – Стажировка не ждёт.

– Конечно беги, Никуш, – спохватывается мама. – И да, после работы планов никаких не строй. В семь часов ждём тебя на ужин по случаю приезда Максима. Игорь говорил, что он за рулём, вот после работы вместе и доедете. Ты же знаешь, не доверяю я всем этим Уберам.

О-ох. Ужин у дяди Игоря. Вот это новости с утра.

Упаковав свой выпуклый трамплинчик в юбку-карандаш и надев рубашку с кружевным жабо, пышности которого позавидовала бы даже императрица Екатерина, я вешаю на плечо сумку и выскакиваю за дверь. Опаздываю, как чартер из Турции. Плохо, Ника, плохо.

Две станции по зелёной ветке, триста ступенек бегом вверх по эскалатору, и через пять минут беготни по Садовому я и мои влажные подмышки влетаем в фешенебельный компьютерный офис.

– Ты опоздала, – кривит нос моложавая версия Анны Семенович за стойкой ресепшена. – На целых пять минут. У нас с дисциплиной здесь всё строго, мы серьёзная фирма, а не шарашкина контора, – она меряет меня таким презрительным взглядом, словно я учредитель, генеральной директор, бухгалтер и уборщица в этой самой «шарашкиной конторе». – Я вынуждена сообщить об этом Максусу.

Вот недаром она меня ещё в первый день взбесила, когда три раза пыталась выставить из офиса, называя представителем Орифлейма. Я ей тогда, конечно, ответить как следует не смогла, потому что в образе Белоснежки мучилась, а сейчас-то чего мне скрывать.

- Ты, разумеется, можешь ему позвонить, - я снисходительно пожимаю плечами. - А я за это на сегодняшнем семейном ужине упомяну, что ты хамишь посетителям. Оу, не знала, что мы с твоим шефом родственники? - с наслаждением наблюдаю, как глаза секретарши превращаются в чайные блюдца. Всё-таки лавры чиновничьих детей мне всегда покоя не давали. - Зато теперь знаешь.

Подло - использовать семейные связи, согласна. Но женская война - она самая беспринципная и жестокая. Либо ты, либо тебя. Пощады не будет.

- Кровь не вода, - я подмигиваю её приоткрывшему пухлому рту и уже разворачиваюсь, чтобы победно прошествовать на своё рабочее место, как слышу хриловатый баритон и даже улавливаю в воздухе горечь грейпфрута.

- Зайди ко мне, Ни-ка.

Чёрт.

- Ты опоздала, - констатирует шеф, с прищуром оглядывая меня с высоты своего исполинского роста, - Ни-ка.

Одного у него, конечно, не отнять: говнюк хорош собой. Глаза как два зелёных фонаря, фигура как у Тора (до последних «Мстителей», конечно), и задница как у Капитана Америки. И характер Дэдпула. Ох, нужно что-то делать с этой моей одержимостью комиксами.

- Всего на пять минут. В последний момент решила забежать в Старбакс и купить тебе кофе в знак нашего примирения.

– И где же он?

Временный шеф тщательно оглядывает мой скромный офисный лук, словно действительно полагает, что я могу спрятать стакан миндального латте в складках жабо.

– Его выбил из рук один прохожий.

Тёмная бровь ползёт вверх, а русско-американский лоб насмешливо кривится в немом вопросе «Серьёзно?».

Технически это возможно, поэтому я и не думаю краснеть от такой топорной лжи. Стойко встречаю его взгляд и киваю:

– Ага.

Лицо красавчика-шефа резко становится серьёзным, и он, привалившись задом к своему рабочему столу, смотрит на меня уже без тени улыбки.

– Ни-ка, давай сразу кое-что проясним. – Вот вроде и голос не повышает, а как-то не по себе становится. – Эта фирма – дело моего отца, которого я люблю, уважаю и стараюсь делать всё, чтобы он мог мной гордиться. О твоей стажировке меня попросил дед, но даже этот факт не помешает мне пнуть тебя под твой милый зад, если ты не начнёшь относиться к работе с должной серьёзностью. Кофе мне варит секретарша, а враньё и опоздания я не люблю.

Он замолкает и сверлит меня тяжёлым взглядом, от которого потеют ладони. Чёрт. Ответила бы что-нибудь язвительное, вот только красноречие меня покинуло, потому что я знаю: он прав.

– Я тебя услышала, Максим, – цежу сквозь зубы.

Ох, как непросто, когда тебя как неразумную малолетку отчитывают. Особенно тот, кто ненамного тебя и старше.

– Вот и прекрасно, – заключает чёрт Гасович и, оторвав свой супергеройский зад от стола, возвращается в кресло. – И кстати, аналитику будешь предоставлять лично мне, а не Стасу.

Эх, а я ведь уже этого Стаса в первые полтора часа пребывания в офисе превратила в своего личного каблука. Думала, стажировка выйдет безоблачной, а тут такая оказия.

Я одариваю шефа кислой улыбкой и плетусь к двери. Сегодня придётся усиленно трудиться, потому что вчера я полдня на Уоох себе кроссовки выбирала.

– В шесть тридцать встречаемся в приёмной. Прокачу до логова деда с ветерком.

– Сама доберусь, – ворчу я, берясь за дверную ручку.

– Считай, что это приказ, Бэмби.

Кажется, кто-то в этом кабинете решил, что он босс всея Руси. Посмотрим-посмотрим.

7

Когда рабочий день, подобно хромой улитке, подползает к концу, меня посещает мысль, что неплохо бы покинуть офис пораньше, чтобы продемонстрировать красавчику реальное положение дел. Что его приказы после шести вечера превращаются в тыкву, а я не его послушная сабмиссив. Но, поразмыслив ещё немного, я прихожу к выводу, что так сделаю хуже лишь себе, а я не любительница морозить уши кому-то назло. Прежде всего я хочу переодеться, потому что юбка-карандаш к вечеру ощущается как тазобедренная удавка, а это означает необходимость снова трястись до дома в душном метро, после чего заказывать такси, которое влетит мне в кровные две тысячи, ибо мама со своим новым мужем, как заправские феодалы, обитают в далёких угодьях Новой Риги. Машину я не вожу, моя чёрная Мастеркард с кэшбэком пополняется раз в месяц мамой и отцом в складчину, а к трате того, что сама не

заработала, я подхожу в высшей степени экономно. Так что позволю Максиму Гасовичу сегодня побыть моим личным кучером.

В назначенное время я выхожу в приёмную и застаю секретаршу Алёну старательно намазывающей помаду на рот. Рубашка теперь расстёгнута не на две, а на четыре пуговицы, а юбка и вовсе исчезла. Не иначе, Максима Гасовича ждёт.

– Рабочий день окончен, – буркает она, продолжая придирчиво рассматривать свое отражение в карманном зеркале. – Тебе домой не пора?

– Не пора, – я с наслаждением выпускаю слова в воздух, приземляясь на диван. – Максим просил его дожждаться.

Облив меня ведром ревности, секретарша разворачивается ко мне спиной и начинает нервно наносить четвёртый слой помады. Ох, я по четвергам такая стерва.

– Вот это уже другое дело, – насмешливый баритон оглашает приёмную, и в дверях директорского кабинета появляется двухметровая фигура Кэпа (сокращение от «Капитан Америка» – герой комиксов «Марвел», которого играет Крис Эванс – прим. автора). – Поднимайся, родственница, поедем семью навещать.

Под обстрелом злобно-завистливого взгляда секретарши я встаю с дивана и следую за Гасовичем к входным дверям.

– Думал, сбежишь, – усмехается он из-за плеча, когда мы выходим на офисную парковку.

– Из двух зол нужно всегда выбирать меньшее. Твоя компания с небольшим отрывом одержала верх над компанией таксиста из Узбекистана и его прокуренного китайского ведра. Кстати, мне домой нужно заскочить переодеться.

– Для чего? Мне твой вид нравится.

Нет, этот парень точно считает, что он солнце, а остальные планеты вращаются вокруг него. Кто-то должен открыть этому Урану глаза.

– Жаль, что твоё мнение в данном вопросе не учитывается. Так ты меня доведёшь?

– Довезу, Бэмби. – Шеф обходит блестящую автомобильную морду и галантно распахивает пассажирскую дверь. – Тащи сюда свою юбочку.

– Кабриолет? – скептически оглядываю автомобиль на предмет отсутствия крыши. – Проблема с привлечением противоположного пола, ковбой?

– Никакой, Бэмби. Купил, потому что в Москве бываю только летом.

Целомудренно поправив юбку, я опускаюсь на пассажирское сиденье. Классная тачка, не могу не признать.

– Пристегнись, – повелевает Кэп, когда через пару секунд плюхается соседнее кресло. – Люблю погонять.

– Где ты гонять собрался? – насмешливо кривлю я рот. – В пробке в час пик на Садовом?

Ответом мне служит широченная стоматологическая ухмылка, и в ту же секунду спина приклеивается к креслу, потому что говнюк бьёт по газам, и машина с рёвом срывается с места.

Вообще-то я не из пугливых истеричек, боящихся быстрой езды, но сейчас мне требуется вся моя выдержка, чтобы не завизжать, когда мы на скорости шестьдесят вылетаем на дорогу, беспардонно вклиниваясь между едущими автомобилями.

– У нас тут камеры везде, – напоминаю пересохшими губами, пока обшариваю салон в поисках дополнительного ремня безопасности. – Разоришься.

– Москва не Нью-Йорк, – беспечно парирует новоявленный Кими Райкконен. – Здесь даже дисконт на оплату штрафов действует. Неужто думаешь, пяти тысяч

пожалее, чтобы родственницу с ветерком прокатить?

– Если мы попадём в аварию, я тебя, как бог черепаху, отделаю, – шиплю я сквозь зубы, на что Макс Гасович лишь ухмыляется и прибавляет музыку.

Хм. Старушка «Нирвана»? А неплохо.

– Долго не буду, – великодушно обещаю, когда рычащий бэтмобиль заезжает во двор моего детства на Малой Бронной.

Берусь за хромированную ручку, но Кэп как настоящий супергерой уже покидает водительское кресло и идёт открывать для меня дверь. Пытается манерами своими поразить? Не выйдет. Мои московские ухажёры тоже не лаптем щи хлебали, между прочим.

– Так значит здесь обитают оленята, – выпрямившись, он оглядывает реставрированный фасад дома, в котором я выросла.

До того, как мама переехала к своему новому мужу, мы жили с ней здесь вдвоём, теперь же я заведу центровым бытом одна.

– Меня Ника зовут, – огрызаюсь я. – Хватит уже самодеятельности.

Оставив Гасовича стоять во дворе, я быстро ныряю в подъездную прохладу и поднимаюсь к себе на этаж. Соблазн принять душ очень велик, но я всё же не настолько стерва, а потому быстро переодеваюсь в тонкое хлопковое платье, усыпанное милыми розочками, чёрные шпильки меняю на лёгкие сандалии и, расчесав волосы, покидаю квартиру.

Завидев меня, выходящую из подъезда, водитель перестаёт крутить головой по сторонам и начинает ощупывать мои 85-61-92 с такой бесцеремонностью, что я испытываю несвойственное мне желание покраснеть.

– Признаю, угодила, – он одаривает меня широченной улыбкой и распахивает дверь.

Пф-ф-ф. Вот это самомнение.

- Тебе ни кусочка не достанется, Кэп.

С грацией элитной стриптизёрши я перекидываю ногу в салон и незаметно вытаскиваю средний палец.

- Кэп? - с подозрением переспрашивает Гасович. - Это ещё почему?

Вот ни за что в жизни я не признаюсь, что прозвала его так из-за супергеройской пятой точки.

- Сам догадайся.

Выстояв очередную пробку на Садовом, мы выезжаем на Кутузовский, который, о чудо, оказывается пустым. Я потуже затягиваю ремень безопасности, потому что в глазах водителя замечаю проблески азарта. И оказываюсь права. Глушитель выплёвывает смачное рычание, и вместе со стремительно растущей скоростью мои волосы взмывают вверх, как пиратский парус.

Убедившись, что Максим водит достаточно уверенно, я позволяю себе обмякнуть на сиденье и наслаждаться поездкой. Всё-таки в кабриолетных понтах что-то есть: скорость под аккомпанемент порывов ветра, солнечных лучей и хриплого голоса суицидника Кобейна. С улыбкой я закрываю глаза, чтобы сполна проникнуться атмосферой езды без крыши, и вытягиваю ладони вверх, чтобы поймать больше ветра. И делаю это совершенно зря, потому что в ту же секунду подол платья лупит меня по губам, и посреди этого срама слышится низкий рокот Максима:

- Ты фанатка Железного Человека, Бэмби?

Покраснев до корней волос, я запихиваю подол платья между сжатых ног, чтобы прикрыть хлопковые марвеловские трусы, и рывкаю:

- Хотела почтить память Тони (Тони Старк - настоящее имя Железного Человека, героя комиксов «Марвел» - прим. автора), ясно? Кстати, мой размер было непросто достать.

В салоне повисает молчание, после чего чёрт Максим поворачивает голову в мою сторону и хрипло произносит:

– Я бы тоже себе такие приобрел.

Я жду, что он отвернётся, но он, чёрт возьми, упрямо продолжает глазеть на мой рот.

– Включи кондиционер, – говорю пересохшими губами. Серьёзно, это вечернее московское солнце жарит похлеще кипрского. – Или фреон экономишь, жмотина?

– Работает на полную, Бэмби.

Ох, да хватит уже на меня пялиться! Вытянув руку, я выкручиваю ручку громкости до упора, так что от криков Кобейна «Изнасилуй меня» (Песня Rare me – прим. автора) закладывает уши не только у меня, но и у всего Кутузовского. Срабатывает. Кэп смотрит на дорогу, а я снова могу дышать.

И ведь ещё, чёрт возьми, ужин не наступил.

8

Ника

– Ты бизнес-ланчи, что ли, с перловкой и салом в офисе у себя организуй, Максим, – ворчливо говорит дядя Игорь, глядя, как мы с Кэпом, лучась фальшивым дружелюбием, поднимаемся по мраморным ступеням его дворца. – А то тётя твоя младшая сохнет с каждым днём.

И что за мания у старшего поколения обязательно раскормить младшее до состояния колобков? Нормальная я и ничуть не тощая. Но вступать в словесные дебаты с грозным маминым мужем всё же не решаюсь. Не по себе как-то.

– Буду вытаскивать с собой на обеды из трёх блюд, дед, – весело откликается Максим и, поравнявшись с ним, крепко сжимает в своих медвежьих объятиях.

Заметив маму, появившуюся на пороге, я с облегчением выдыхаю и с разбегу падаю в пахнущие уютom объятия. В её руках я всегда чувствую себя спокойнее, а после будоражающей поездки с Кэпом мне просто необходима инъекция эмоционального транквилизатора.

– Соскучилась по тебе, Никуш, – мама ласково гладит меня по волосам и быстро целует в щёку. – Может, недельку у нас с Игорем поживешь? Он тебя до работы подвозить сможет.

Одна мысль о нескольких часах, проведённых в машине с маминым мужем и его адским характером, заставляет меня бешено крутить головой.

– Не могу, мамуль. Спатифиллумы твои любимые только зацвели. Боюсь, завянут.

– Это внук мой Максим, Люба, – объявляет раскатистый голос главы дома. – А это бабуля твоя новая, Любовь Ивлеева. Прошу уважать и жаловать.

– Здравствуй, Максим, – с улыбкой отвечает мама и слегка розовеет, когда тот вручает ей букет, который предусмотрительно купил по дороге.

– Очень приятно познакомиться, Люба, – услужливо урчит грейпфрутовый баритон. – Прошу прощения, что раньше не заехал.

Мужчины проходят в дом, а мама быстро ныряет носом в разноцветный ворох лепестков и, наклонившись ко мне, заговорщицки шепчет:

– А Максим-то огонь, Никуш. Горячий.

Ох, даже мама пала жертвой протеинового бургера.

Я провожаю глазами удаляющуюся супергеройскую задницу и твёрдо заявляю.

– Не в моём вкусе, мамуль. К тому же у меня Глеб есть.

– Как у тебя, кстати, с ним? – Приобняв за плечи, мама увлекает меня в царские покои имения Ждановых. – Приехали бы как-нибудь вместе в гости.

– У нас всё отлично, – говорю уверенно, потому что у нас с Глебасей и впрямь всё отлично. – Глеб сейчас занят подготовкой к вступительным в аспирантуру, поэтому видимся мы только по выходным.

– О как, – поднимает брови мама. – Какая железная у твоего Глеба выдержка. Я бы от такой красавицы, как моя дочь, сутками не отлипала. Как он, должно быть, мучается: всего три месяца вместе, а тут эти экзамены не вовремя.

Вот за что я обожаю мамулю, так это за деликатность в проявлении материнской заботы и любви. Знаю, что она переживает за мои отношения с Глебом, но всё равно не опускается до того, чтобы тыкать носом в то, что, по её мнению, у нас не так. Разве что намёками.

– Мам, мне ведь тоже сейчас на стажировке надо сосредоточиться, поэтому экзамены Глеба как нельзя кстати. Зато в выходные мы ни на минуту не расстаёмся.

– А с сексом-то у вас всё хорошо, Никуш?

Ну, у кого лучшая мама? У меня, разумеется. В четырнадцать Любовь Ивлеева сама посадила меня на наш кухонный стул и со скрупулёзностью университетского преподавателя поведала о неотвратимости появления коитуса в моей жизни, его последствиях и самых надёжных способах защиты от нежелательной беременности и всякой дряни. Благодаря этому, секс не ассоциируется у меня с тем, чего необходимо стыдиться, и именно поэтому мама первой узнала о том, что я потеряла невинность с Витей.

– До секса у нас ещё не дошло, мам.

В тот вечер в клубе всё и должно было случиться. А эротичный твёрк задом предназначался не для того, чтобы польстить кэповской ширинке, а для того, чтобы подтолкнуть Глеба к более решительным действиям. Мне очень нравится, что он относится ко мне с уважением и не форсирует события, но я же, в конце концов, здоровая двадцатиоднолетняя женщина... А какая здоровая двадцатиоднолетняя женщина не мечтает заняться развратным сексом со своим

парнем спустя три месяца знакомства?

Мама вновь поднимает брови, демонстрируя лёгкое недоумение, после чего быстро целует меня в щёку и тянет в кухню.

- Потом поболтаем. Не терпится дочь собственной кулинарией побаловать. Я сегодня необычный штрудель приготовила.

- С мясом, что ли?

- Ага.

- Ну как тебе работается у Максима на фирме, Ника? - Дядя Игорь отпиливает стейк и, не донеся кусок до рта, смотрит на меня. - Не пристаёт?

Я едва не давлюсь красным сухим и машинально перевожу взгляд на Гасовича, которого такие родственные ремарки, кажется, ничуть не смущают, судя по тому, как вальяжно он продолжает мять спиной стул.

- Мы не слишком хорошо успели познакомиться, но думаю, у Максима есть понятия о рабочей субординации. К тому же он знает, что у меня есть парень.

- А я думал, мы достаточно неплохо пообщались в нашу вторую встречу, Ни-ка, - раздаётся насмешливый голос. - Ты меня буквально чуть не задушила в родственных объятиях, - с этими словами говнюк демонстративно указывает глазами под стол и начинает широко улыбаться.

- Оу, это ж разве душила? - парирую язвительно. - Так, слегка приобняла. Крепкие обнимашки в моём исполнении ты бы точно никогда не забыл.

Улыбка на лице Капитана Америки меркнет, а глаза темнеют, точь-в-точь как в машине. Мама замирает с вилкой в руке и начинает с любопытством

разглядывать нас, а её муж свирепо рявкает:

- Вы Игоря Жданова за идиота, что ли, держите? Что тут происходит?

- Никуш, иди чай налей, - нараспев предлагает мама. - Игорь, твой любимый, с мятой и мелиссой, будешь?

Как по команде, маска воинственности покидает лицо дяди Игоря, и он, сделав глоток воды, уже более спокойно отвечает:

- Буду, Люб. Чудо как хорош этот твой чай.

Ай да Любовь Запашная. Как мастерски льва травяным отваром на лопатки уложила.

Решив не пренебрегать маминой помощью, я бесшумно поднимаюсь со стула и, погремев ящиками, нахожу жестяную банку с чаем. Включаю чайник и пока жду, когда закипит вода, прислушиваюсь к разговору.

- Мама твоя как поживает? - спрашивает миролюбивый голос дяди Игоря. - Совсем родину забыла. Обещала ещё две недели назад приехать, а всё тянет.

- Её токсикозит немного, поэтому перелёт отложить пришлось.

- Слава снова беременная, что ли?! - слышится грозное рявканье. - Твой папаша когда-нибудь слезет с моей дочери? Или у вас там в Америке биткоины за детей давать стали? Чего так старается-то он?

- Я об этом стараюсь не спрашивать, - насмешливо отвечает Кэп. - Предлагаю просто порадоваться, что ты дедом в пятый раз станешь.

К тому времени, как мамин муж заканчивает рассуждать, насколько было бы лучше, если бы семья Максима покинула вражескую страну и купила пять гектаров земли в Подмосковье, мятно-чайный напиток заваривается, и я с видом заправской горничной иду его разливать. По старшинству, разумеется.

Обойдя с чайной милостью Игоря и маму, я подхожу к стулу Кэпа и невольно морщусь, потому что терпкий запах грейпфрута ударяет в ноздри, а во рту начинается необратимый процесс слюноотделения.

Сделав мысленную пометку не забыть купить в аптеке витамин С, я придвигаю чашку, начинаю лить в неё дымящийся отвар и едва не расплёскиваю кипяток на скатерть, потому что в этот момент здоровая ручища выныривает из-под стола и, обхватив колено, бесцеремонно скользит мне под юбку.

– Тони послал Кэпу сигнал о помощи, – доносится низкое урчание. – Не могу оставить друга в беде.

Забыв, как дышать, я перевожу ошарашенный взгляд вниз и шумно сглатываю, потому что говнюк бесстыдно заглядывает мне в глаза и гладит мою ногу в критической близости от белья.

К счастью, оцепенение отпускает меня уже через секунду и, переместив носик чайника на джинсовые колени, я с садистской улыбкой опрокидываю на них хорошую порцию кипятка. Лицо говнюка болезненно морщится, но перед тем, как меня отпустить, его рука успевает сжать мою ягодицу. Терминатор какой-то, ей-богу.

Вернув заварочный чайник на столешницу, я возвращаюсь на свой стул с пульсом, как у колибри-сердечника, и машинально утыкаюсь в телефон, чтобы скрыть своё замешательство. Жму пальцем на значок нового сообщения и едва не рычу от негодования.

«Передай Тони, что я зайду в гости позже»

9

Макс

– Ты чего себе позволяешь? – шипит Бэмби, после того как мы, с приклеенными улыбками попрощавшись с родственниками, выезжаем за ворота дедовского

поместья. – Ты, может, в Америке стряпух привык в кабаках лапать, но здесь тебе не кабак, и я не расхаживаю перед тобой с наклейками на сосках. У меня парень есть, ясно? Ещё раз ко мне прикоснёшься, и я твой мини-бар в щепки разнесу.

Признаю, моё поведение за ужином лихо перемахнуло границу «босс-подчинённая», но у меня есть этому веское оправдание – у меня на эту девчонку неконтролируемый стояк. Я думал, что на первом собеседовании Макс-Джуниор стол домкратил, потому что её невинными замашками девственницы впечатлился, но, оказывается, полыхающие яростью сапфировые глазищи и ядовитое шипение вставляют его ещё больше. Даже сейчас, когда Ни-ка смотрит на меня с явным намерением превратить в Безупречного (воины-евнухи из сериала «Игра престолов» – прим. автора), перед глазами не перестают плыть картинки, как я сдираю эти супергеройские трусы и загоняю в неё член на заднем диване своей тачки. Как она обхватывает меня ногами и, не переставая сыпать угрозами, дарит те самые тугие обнимашки, которыми дразнила меня за столом. Блядь, Джуниора так раздуло, что впору ему противоотёчное выдавать.

И я напрочь забыл о третьем жирном минусе в лице её парня. Как его там зовут? Глеб? Дебильное имя. И рожа у него дебильная. Ну какой нормальный парень будет пытаться пожать руку двухметровому красавчику, ошивающемуся в клубе возле его девушки, которая выглядит как ангел Victoria's Secret, а двигается как худрук Мадонны. Даже мне, как только он клешни свои Бэмби на талию положил, захотелось их выдернуть, а я, между прочим, близко не её парень. И становиться им не собираюсь, потому что слишком ценю свою свободу.

– А ты уверена, что он твой парень? – не удерживаюсь я от того, чтобы спровоцировать у Ни-ки новую вспышку гнева. – Потому что, помимо того эпизодического появления в клубе, я не заметил признаков его существования в твоей жизни. Он не встречается тебя после работы, и за весь сегодняшний вечер я не услышал от него ни одного звонка.

Я явно задел её за живое, потому что вижу в голубых глазах острую злость. Которая, однако, мгновенно меркнет, сменяясь презрительной холодностью.

– Да, Кэп, я уверена, что он мой парень. И Глеб регулярно пишет мне сообщения. Просто он серьёзно относится к учёбе и не может отвлекаться от вступительных экзаменов. Не всем, знаешь ли, преуспевающая фирма от американского папы в комплекте с двухуровневыми апартаментами в центре Москвы достаётся.

Оу-у. Зубастый оленёнок. Чуть против шерсти погладишь – готова задрать насмерть. А откуда у неё вообще такая осведомлённость об отцовских инвестициях в рынок российской недвижимости?

Видимо, этот вопрос написан у меня на лице, потому что Бэмби кривит веснушчатый нос, от чего её колечко задорно поблёскивает в темноте, и насмешливо тянет:

– А ещё говорят, что женщины – сплетницы. Твой тестостероновый офис обожает потрепать языком, особенно если рядом есть уши посимпатичнее, ты в курсе?

Стасу, что ли, яйца оторвать? Не то чтобы он рассекретил важную информацию, за которую мне было бы стыдно, но сам факт того, что он в первые же дни с новенькой девчонкой о чём-то, кроме работы, треплется, настораживает. Надо будет за ними в камеры понаблюдать.

– Так вежливый суслик – твой воскресный парень? По выходным заезжает за тобой с букетом цветов и ведёт в Сокольники белок кормить?

– Сколько насмешки в голосе, Кэп. А чем можешь похвастаться ты? Вонью палёных покрышек и умением лапать чужих девушек на семейных ужинах?

Неправильная какая-то у меня реакция на эту девчонку. Чем больше она шипит и огрызается, тем сильнее трещит молния на джинсах. Блядь, надеюсь, что Diesel (итальянская марка одежды, известная своими деним-изделиями – прим. автора) не подведёт, и мне не придётся пугать консьержку вывалившейся мачтой.

– Так и знал, что наш тет-а-тет запал тебе в душу, Бэмби. И нет, это лишь малая часть моих умений. Предпочитаю не раскрывать все карты сразу.

Ника закатывает глаза и, вытянув ноги, отворачивается к окну. А я не могу перестать на них пялиться. В голове как заезженный рекламный ролик то и дело прокручивается задравшаяся юбка, стройные бёдра и эти чёртовы марвеловские трусы. Подозреваю, после сегодняшнего дня у меня начнёт стоять на трейлер «Мстителей».

Завожу её во двор на Малой Бронной и глушу двигатель. Наваждение какое-то. Последние полчаса мы ехали молча, а Макс-Джуниор даже и не думает обмякать.

- На кофе родственника не пригласишь?

Я смотрю, как Бэмби перекидывает через себя длинный ремешок сумки, который аппетитно пересекает её упругие тройки пополам.

В ответ Ни-ка кривит рот и смотрит на меня, как на раздавленную подошвой гусеницу.

- Говорящим сиськам с ресепшена позвони. Вроде они тебе кофе варят.

Ах ты ж, оленёнок злопамятный. Всё-таки зря я номер Кристины Минет из записной книжки стёр. В моём состоянии её горловые услуги очень бы кстати пришлись.

После хлопка закрывшейся пассажирской двери я прослеживаю пятно Бэмби-сарафана, и прежде чем меня останавливает запоздалая мысль о рабочей субординации, орущем деде и зарёванной физиономии суслика-Глеба, рот сам открывается, чтобы бросить ей в спину:

- Даже номинация на Нобелевскую премию не помешала бы мне трахать тебя трижды в день, Бэмби. И начал бы я прямо в машине.

Ни-ка замирает рядом с подъездной дверью, но уже через секунду из темноты летит её язвительный голос:

- Сколько несбыточных фантазий в одном предложении, Максим Гасович. Баюшки.

Ну это просто вызов какой-то. Может, Нобелевская премия мне в ближайшие лет десять и не грозит, но вот десантировать Макса-Джуниора в штаб Мстителей на одну ночь вполне реально. Нужно всего лишь договориться со своими принципами не трогать персонал, а лучше дотерпеть до конца стажировки. О моих сводных постельных приключениях деду знать не обязательно, а на

учёного суслика мне наплевать. Ибо не хрен бросать без присмотра такого оленёнка. В общем, тут есть над чем поразмыслить.

10

Макс

Следующим утром я паркую тачку возле офиса и, когда захлопываю дверь, упираюсь глазами в бегущую Ни-ку. Вчера, едва стояк меня попустил и мозг снова включился, я решил, что должен быть профессионалом и не идти на поводу у пахового помешательства. Но сейчас, глядя на этот сиквел «Спасателей Малибу», моя уверенность стремительно вянет. Волосы Бэмби развеваются на ветру, на носу красуются солнечные очки, а сиськи под белой рубашкой подпрыгивают соблазнительнее, чем у молодой Памелы. Зрелище залипательное.

Остановившись, она бросает взгляд на часы и с явным облегчением выдыхает.

– Доброе утро, Ни-ка, – я поднимаю ладонь в скромном приветствии и иду к ней.

Над губой Ни-ки серебрятся капельки пота, несколько тёмных прядей прилипли ко лбу. Тяжело, наверное, бежать в утренние плюс двадцать восемь.

– Кому оно доброе, а кому не очень, – бормочет родственница, поднимая на лоб солнечные очки. – Ты летом в метро когда-нибудь ездил?

Ездил разок. Когда местный представитель власти к себе на дачу на шашлыки торопился и Можайку на несколько часов перекрыли. Варианта было три: крыть херами немытую Россию в Яндекс-навигаторе, пересесть на вертолёт либо прыгнуть в метро. Я выбрал бюджетное метро, разумеется. Душно, зато быстро.

– В понедельник в семь тридцать утра заберу тебя из дома, – объявляю я в нагрянувшем приступе благодушия и, глядя, как открывается розовый рот в явной попытке возразить, зажимаю его большим пальцем. – Не благодари. Живём мы рядом, так что мне совсем не сложно.

Разобравшись со скопившимися запросами от бухгалтерии, я вспоминаю, что хотел понаблюдать, как проходят рабочие будни Бэмби, и тычу курсором мыши в программу с камерами. Выбираю нужное окно и немного подаюсь вперёд. Камера как раз над столом Ни-ки установлена. Стажёрка вроде работает. По крайней мере, лоб морщит сосредоточенно и смотрит в экран. Так, а это что за херня? Предполагаемый наставник Стас ей услужливо чашку с кофе на стол ставит и нависает сверху как похотливый коршун. Бэмби сидит не шевелясь, но с каждой секундой её ангельская мордашка становится всё раздражённее. Один, два, три... не выдержала. Задирает голову и зло рычит. У Стаса рожа стремительно вянет, и он плетётся на своё место, как пёс кастрированный. Ты погляди – сразу следующий подлетает с бумажками. Офисный мачо Эдик, фанат брендовых лейблов и геля для волос. Стопку бумаг перед ней почтительно плюхнул и топчетя на месте в ожидании вкусняшки от госпожи. Снисходительная улыбка, царственный взмах рукой, и Эдик со счастливой улыбкой тащит свою задницу с печатью Armani на рабочее место.

Блядь, Ни-ка всего три дня здесь, а уже превратила мой тестостероновый офис в свой фемдом (термин, указывающий на доминирующую роль женщины над мужчиной либо другой женщиной, главным образом, в сексуальном контексте – прим. автора). Вот так и знал, что взять её на стажировку будет плохой идеей. Мало того, что её трахнуть нельзя, так она ещё и коллектив разлагает. Через неделю сам не заметишь, как окажешься распятым в собственном кресле, а Бэмби будет сидеть у тебя на лице.

Решив, что пора принимать экстренные меры, я тычу в кнопку громкоговорителя и распоряжаюсь:

– Антон, по поводу отдельного кабинета для тебя я передумал. Ноутбук в зубы и дуй обратно к Косте.

Тот пытается возразить, но я его не слушаю. Мне ребят нужно выдирать из лап матриархата. Я такое в последней серии Шерлока видел: одна шустрая девка, находясь в заключении, всю тюрьму под себя подмяла. Если обезвредить эту Бэмби-бомбу в течение двух ближайших месяцев не получится, то нужно её хотя бы изолировать.

– Ни-ка, с вещами на выход, – объявляю с порога аналитического.

Бэмби вскидывает непонимающий взгляд, а мужские рожи, выглядывающие из-за крышек ноутбуков, стремительно киснут. Да, Змеи Горынычи, забираю вашу мамку Дейнерис. Со временем вы поймёте, что так будет лучше.

– Ты меня увольняешь? – Бэмби распахивает голубые глазищи и кривит губы. – Но за что?

– Наоборот. Сегодня у меня хорошее настроение, а потому я повысил тебя до отдельного кабинета.

Несколько секунд Ни-ка непонимающе хлопает ресницами, а потом начинает улыбаться так широко и искренне, что я зависаю ничуть не хуже, чем на утренних сисечных скачках. Красивая у неё улыбка.

– Я могу переезжать прямо сейчас?

Едва я киваю, Бэмби делает короткий взмах рукой, и за её спиной материализуются Эдик и ещё один слюнявчик.

– У меня теперь свой кабинет, – бросает она из-за плеча, и они как дрессированные роботы начинают экстренно паковать провода, бумаги и ноутбук.

Нет, однако я всё правильно сделал. День промедления – и быть беде: расстрел царской семьи и революция.

Развернувшись, я берусь за дверную ручку и слышу заискивающий голос Стаса.

– Макс, а корпоратив по случаю твоего приезда в силе?

Точно. Каждое лето, в первую неделю после моего приезда, я тащу наш мужской коллектив для сплочения командного духа в какое-нибудь весёлое место. Денег отлетает много, но оно того стоит. Макса Первого должны помнить как щедрого правителя.

– В силе.

– А Ника ведь с нами тоже пойдёт?

Блядь. Я хотел свободный от стояка мальчишник с пивом и мужскими разговорами, а Ника в эту расслабляющую концепцию ну никак не вписывается.

– Угу, – скриплю сквозь зубы. – Если захочет.

Мысленно я ссылаю Ни-ку кормить белок в Сокольниках, но вместо этого слышу восторженный девичий писк:

– Конечно хочу!

11

Ника

Глебася галантно открывает для меня дверь гламурной столовой на Патриарших и позволяет изящно продефилировать внутрь.

– Я заказывал стол на десять, – вежливо сообщает он худосочной администраторше на входе.

Вот кому точно не стоит попадаться на глаза дяде Игорю – он бы ей сразу литровую клизму с кашей поставил.

Не снимая приветливой дежурной улыбки, девушка провожает нас за столик у окна и, снабдив картонным меню, удаляется. Это наша традиция с Глебом: каждое субботнее утро завтракать в новом месте и обсуждать произошедшее за неделю. Конечно, говорю в основном я, потому что с умением Глеба слушать, мой градус фекальной словесности приобретает чудовищные масштабы. Я могу часами болтать о самой несущественной ерунде, начиная с того, что я ела на завтрак, и заканчивая тем, как хорошо выглядит Риз Уизерспун в сериале «Большая маленькая ложь».

– Как проходит твоя стажировка, малыш? – ласково спрашивает Глеб, после того как мы заказываем два больших континентальных завтрака и капучино. – Справляешься с аналитикой?

Разумеется, я справляюсь. Учёба вообще мне легко даётся – с заумными генами моей мамы по-другому и быть не могло. Ещё бы усидчивости и дисциплины, как у Глеба, – стала бы лучшей студенткой на потоке. Вот только и с первым, и со вторым у меня проблемы: не могу я часами над конспектами корпеть, да и зубрёжка не моё. Наверное, поэтому я так восхищаюсь его выдержкой: поставил цель поступить в аспирантуру и чётко идёт к ней, не отклоняясь от курса. Меня же вечно что-нибудь отвлекает: то Леся в клуб потащит, а я не могу отказать, потому что танцы – это моя слабость, то третий сезон «Настоящего детектива» выйдет, и я перед ноутбуком залипну, то жапанист Акунин про Эраста Петровича очередную книгу напишет, и я заново начну всех Азазелей с Левиафанами перечитывать. Другими словами, ум Ники Ивлеевой мутен и неусидчив.

– Со стажировкой порядок, – отмахиваюсь я беспечно. – Кстати, о ней. Сегодня вечером мой новый шеф корпоратив собирает в клубе на Столешке. Я уточнила, можно прийти парами.

Я и правда спросила об этом у верноподданного Стаса, и он с кислой миной ответил, что вряд ли кто-то будет против, если я приду со своим парнем. Так что я планирую весело провести время с Глебасей и заодно подстрелю долговязого мышцатого зайца, насмехающегося над серьёзностью наших отношений.

– Никусь, малыш, – лицо Глеба страдальчески кривится, и он тянет руку через весь стол с явным намерением меня успокоить. Плохой знак. – Ты же знаешь, не люблю я все эти клубы. Может, сходишь одна?

Дракониха во мне дышит огнём и машет крыльями, оттого что Глеб хочет лишить меня законного выходного вместе. Ну как так, а?

– Там будет человек пятнадцать здоровых парней и всего две девушки, включая меня. Ты уверен, что хочешь, чтобы я пошла туда одна?

Ещё одно положительное качество Глеба: он на сто процентов мне доверяет, а потому совершенно не ревнует. Ревнивым был Витя, который меня даже к

книжному Фандорину и киношной заднице Кэпа ревновал. Но сейчас, глядя, как при упоминании стаи сотрудников-кобелей, лицо Глеба остаётся гладким и безмятежным, меня впервые начинает это качество подбешивать. Если мне не изменяет память, ещё час назад в зеркальном отражении я видела аппетитную красавицу с длинными ногами. Так какого чёрта?!

– К тебе кто-то пристаёт на работе? – с серьёзным лицом уточняет Глеб. – Потому что если так, то я готов с ними поговорить.

– Никто ко мне не пристаёт, – со вздохом опадаю я на стул, смотря, как официант ставит передо мной тарелку с жёлтыми кудряшками скрэмбла, беконом и помидорами-гриль. – Скажи мне, чем мы займёмся, если я не пойду в клуб?

Если Глеб прозрачно намекнёт мне, что сегодня в его меню есть главное секс-блюдо от шефа, я никуда не пойду. Конечно, я могу пригласить его к себе и подвергнуть сеансу соблазнения в новом белье от La Senza, но не хочу выглядеть озабоченной попрошайкой. Кто тут у нас добытчик и охотник, я или он? Хочу, чтобы наш первый раз случился по его горячей лапательной инициативе. Даже номинация на Нобелевскую премию не помешала бы мне трахать тебя трижды в день... А ну, чёртов Кэп, брысь из моей головы!

– Сегодня Ночь Музеев, – с энтузиазмом сообщает Глеб. – Ты была в Булгаковском?

О-о-ох, ну за что мне это, мессир? Официально: у меня ПМС, я сексуально не удовлетворена, зла, капучино в этой дорогущей забегаловке – полное говно, и я больше не намерена такое терпеть.

– Послушай, Глеб, – изо всех сил я пытаюсь не выглядеть в глазах уравновешенного Глеба визгливой истеричкой, хотя с моим характером это ой как непросто. – Мы с тобой встречаемся уже три месяца, и я со своей стороны стараюсь с уважением относиться к твоей ситуации с экзаменами. То есть я терпеливая и понимающая девушка пять дней в неделю. Пять! Признаю, сферы наших интересов разнятся, но мы можем пойти друг другу навстречу, как, например, делаю я, когда часами выслушиваю сплетни твоей мамы о стерве-бабушке по отцовской линии. Предлагаю решить прямо сейчас: а стоит ли нам вообще встречаться? Потому что, по ощущениям, тебя, помимо моей компании за

завтраком и на прогулках в Сокольниках, больше ничего не интересует. Я так и с Лесей время проводить могу. Счёт за завтраки, конечно, придётся поделить, но это я переживу.

Глеб сосредоточенно хмурит брови, очевидно, осмысливая мою избалованную тираду. Выглядит он немного шокированным, так как ещё не имел возможности познакомиться с Никой-стервой.

– Наверное, ты права, – произносит он медленно. – Подготовка к экзаменам отнимает у меня много времени, и я иногда забываю, что ты предоставлена сама себе. И ты должна знать, что всю неделю, что мы не видимся, я скучаю. Обещаю исправиться, малыш. Во сколько начинается твой корпоратив?

В его взгляде столько готовности и раскаяния, что я невольно начинаю улыбаться. Говорю же, Глебася у меня умница и лапочка. Главное, ему всё доходчиво объяснить.

– Договорились встретиться в десять возле клуба.

– Я буду, малыш.

12

Ника

С Глебом мы договорились встретиться возле клуба, потому что как-то глупо ему с Полянки за мной на такси ехать, а машину мой отличник не водит.

Стоя перед развороченным шкафом, я подумываю надеть ультра-мини, чтобы дать Глебасе возможность погордиться ногами своей девушки, но в последний момент передумываю: потанцевать я хочу, а регулярно одёргивать подол, чтобы прикрыть зад, – нет. Так что мой выбор падает на голубые Levi's, а в качестве компенсации за подобную скромность свою соблазнительную тройку я упаковываю в не менее соблазнительный кружевной корсет. Смотрюсь в зеркало и, оставшись удовлетворённой увиденным, вызываю Яндекс.

– Глеб, ты где? – мне приходится кричать в трубку, потому что шум толпы, собравшейся возле клуба, перебивает любой другой звук. – Я справа возле входа стою.

Сквозь томное кряканье чикуль по соседству мои барабанные перепонки улавливают какой-то треск и виноватый голос Глеба.

– Никуш, я немного задерживаюсь. Мама на дачу качели садовые заказала, а они мудрёные оказались. Полдня помогал устанавливать. Звонил предупредить, что задержусь, но у тебя телефон был недоступен.

И ведь даже не упрекнёшь его. Телефон у меня и правда лежал разряженным, и я лишь в самый последний момент это заметила, после чего в течение десяти минут нетерпеливо прыгала возле розетки, чтобы подзарядить его до жалких десяти процентов. Б – безалаберность.

– Я буду ждать тебя внутри, – говорю со смиренным вздохом. – Стол в ВИП-зоне на имя Максима.

– Хорошо, малыш. Извини, что так получилось.

Я вешаю трубку и, обернувшись, оглядываю забитый вход. Если уж Кэп на ВИП разорился, негоже Супер-Женщине в очереди с простыми смертными стоять. Поправляю волосы и шагаю ко входу, огороженному красной бархатной лентой, рядом с которым, помимо скупающего охранника, маячат ещё два парня.

Заслышав стук каблуков, они словно голодные псы, почуявшие близость сахарной косточки, перестают разговаривать и поворачивают головы в мою сторону.

– Потанцевать идёшь, зайчонок? – щерится тот, кто в их паре, очевидно, отвечает за связи с общественностью.

Две пары глаз немедленно зарываются в моё кружевное декольте, вызывая жгучее желание навсегда лишить их функции зрения.

– Я тебе не зайчонок, слюнявый. Если закончили меня разглядывать, разошлись в стороны, я тороплюсь.

– А чё ты такая дерзкая? – твякает второй, обиженно расправляя грудь с брендовыми письменами. – Мы вроде нормально к тебе обращаемся.

– Ничего личного, чувак, – успокаивающе похлопываю его по плечу. – Просто не люблю слюнявых.

Когда-нибудь я за свой бесперебойно работающий язык огребу. Знаю, что нужно быть умнее и промолчать, но задиристый нрав моего папаши-боксёра регулярно берёт верх над маминым интеллектом.

Пока эти двое скребут пальцами челюсти, придумывая остроумный ответ, дверь VIP-входа распаивается и на пороге появляется Кэп. Красивый говнюк. На нём нет ничего из того, чем так любят прихвастнуть местные клубные завсегдатаи: ни ультрамодных кед, ни дизайнерских барсеток, висящих под кадыком, ни подкатанных узких трикошек, но даже в простой белой футболке и с небрежным бардаком на голове Гасович выглядит круто.

– А я думаю, где ты застряла, Ни-ка. – Вздернув тёмную бровь, он оценивающе пробегаётся взглядом по моему наряду и хлопает охранника по плечу. – Это моя девчонка, Борь.

Вообще на такое заявление можно и повозмущаться, но, глядя, как вянет боевой дух гопников-плейбоев, я решаю перенести возмущение на минуту позже. Эффектно взмываю вверх по ступенькам и даже позволяю Гасовичу приобнять меня за талию, пока мы заходим внутрь.

– Классно выглядишь, Бэмби, – горячее цитрусовое дыхание щекочет мне висок, от чего предплечья покрываются гусиной кожей.

Дождавшись, пока дверь с тяжёлым хлопком закроется, я демонстративно смотрю на удерживающую меня руку и учтиво замечаю:

– Руку уже можно убрать. И я не твоя девчонка.

– Ну кто-то должен был заявить права на твою красивую мордашку, если воскресный парень снова хлопает ушами. Где, кстати, он? Стас говорил, ты сегодня со своим самоваром на чаепитие пойдешь.

– Глеб скоро приедет. Сушек тебе в любом случае не достанется, Максим Гасович.

Высвободившись из объятий Кэпа, я с видом уверенной независимой женщины шагаю вперед, но, вспомнив, что не знаю, куда идти, незаметно притормаживаю и, поймав в фокус упругую задницу, следую за ней как за путеводной звездой.

– Ни-ку руками не трогать, – объявляет шеф, едва мы входим в ВИП-зону, где царски накрыт фуршет, а на диванах кучкуются мои верные гномы: Стас, Эдик, Сева и ещё один парень, который по утрам приносит мне кофе. – Оштрафую.

Щека вдруг начинает зудеть, а глаз слезиться, и, скосив взгляд, я понимаю почему: с дивана справа, сверкая блеском для губ и трусами, на меня зло глазеет Алёна Семенович.

Рассчитывала на тестостероновую монополию, ревнивица? Ну, соррян.

– Что будешь пить, Ни-ка? – Кэп склоняется надо мной, задевая плечом, и я машинально отшатываюсь в сторону.

Да что ты как хомяк под напряжением, Ни-ка? Он же случайно.

Моя субботняя концепция отдыха не подразумевает стопроцентную трезвость, но я хочу дождаться Глеба. Вряд ли ему будет приятно, если его встретят мои ошалевшие от текилы глаза и ядовитое амбре.

– Я буду сок.

Брови Максима удивлённо ползут вверх, но он тем не менее кивает и делает знак щуплому задохлику в белой рубашке с бабочкой.

– Один свежавыжатый сок. Тебе какой, Ни-ка?

Я машинально втягиваю носом воздух, и, прежде чем успеваю подумать, рот сам выдает:

– Грейпфрутовый.

Получив свою дозу цитрусового наваждения с торчащей из него соломинкой, я оставляю Максима разговаривать с приставучим парнем из технического и, подойдя к перилам, опускаю взгляд на танцпол. Вертлявая обезьянка во мне просит немедленных плясок, но если я сейчас уйду, то Глеб не сможет меня найти.

Ругая себя за непредусмотрительность, я оглядываю критические семь процентов батареи и набираю Глебу. Один гудок, три, шесть... нет ответа. В метро он, что ли, едет?

Уже собираюсь вернуть мобильный в карман, как раздаётся весёлая «Эба» в исполнении группы «Хлеб», которая стоит у меня на Глеба.

– Малыш, я приехал домой, и меня срубило от усталости... – звучит в трубке заспанный голос. – Я точно тебе нужен?

Я успеваю повесить трубку до того, как ударная волна моего гнева разнесёт к чертям сотовые вышки МТС и разорвёт барабанные перепонки Глеба. Сжимаю телефон так сильно, что он начинает жалобно хрустеть в ладони. Ну ты, Глебася, и гад.

Резко обернувшись, я окидываю взглядом стол в поисках бодрящего спиртного и, уткнувшись в изучающий взгляд Кэпа, отталкиваюсь от перил и направляюсь к нему:

– Думаю, я созрела, чтобы выпить, босс.

– Выглядишь решительно, Бэмби. Чего изволишь?

– Текилу.

Кэп услужливо наполняет рюмку пахучей жидкостью, и я, не дожидаясь традиционных сэков в виде соли и лайма, опрокидываю её в себя.

– Ты в порядке? – Прищурив густой лес ресниц, он внимательно оглядывает моё лицо. – Где твой суслик?

Я даже поправлять его не собираюсь. Потому что Глеб – настоящий лживый суслик. Бросил меня одну. Не сдержал обещания. Мелкий грызун.

– Он не придёт. Задержали домашние дела.

Готовлюсь парировать усмешки и огрызаться, но Кэп, на удивление, сохраняет молчание и продолжает разглядывать меня. Мне вдруг становится неуютно и нервно, и будто бы снова хочется покраснеть, поэтому я закатываю глаза и чересчур измученно стону:

– Кстати, музыка здесь полный отстой. Интересно, если я станцую на коленях у диджея, он сможет поставить что-то, от чего у меня не будет течь кровь из ушей?

Срабатывает. Кэп перестаёт выглядеть так, словно я мутант Икс, а у него на голове Церебро, и начинает задорно скалить зубы.

– То есть, если сейчас зазвучит то, что тебе понравится, ты организуешь приватный танец для диджея?

Пф. Да этот лошок за пультом звуковиком в «Голубом огоньке» работает, судя по музыкальной подборке. Ни единого шанса.

– Если сейчас зазвучит что-то хотя бы отдалённо удобоваримое, я его колени так задом отполирую, что он в них сможет своё отражение увидеть.

– Обещаешь?

Мне бы засомневаться, потому что вид у Кэпа в этот момент такой, словно он только что единолично Таноса отмудохал. Но так как я девчонка самоуверенная и упрямая, то киваю головой и подтверждаю:

– Слов на ветер не бросаю.

Я с удивлением принимаю в ладонь холодный стакан с виски, который мне бесцеремонно вручает шеф, и наблюдаю, как он быстро идёт к узкому проходу, соединяющему ВИП-зону и диджейский помост. Жду, что здоровый цербер охранник остановит наглое вторжение, но он лишь приветливо улыбается Кэпу и отходит в сторону.

А дальше происходит совсем уж странное: говнюк делает знак источнику моих слуховых мук, и тот, сняв наушники, радостно машет ему рукой, показывая подниматься. Через несколько секунд они стоят рядом, тискаясь, словно на съёмках «Жди меня», после чего чёртов диджей снимает наушники и передаёт их Гасовичу.

От такого неожиданного поворота я машинально отхлёбываю виски, который терпеть не могу, и обречённо вздыхаю, когда ловлю взгляд Кэпа и читаю по расплывшимся в улыбке губам:

– Наслаждайся.

13

Макс

Вообще, я не планировал ничего из происходящего, но магическое «приват на коленях», произнесённое розовым ртом Ни-ки, молнией ударило в голову мне и Макс-Джуниору.

Владелец клуба, Лёва Хосровян, – мой хороший приятель, с которым мы познакомились в прошлом году в Нью-Йорке на концерте Моби. Винилом я с четырнадцати лет увлекался, и на фоне любви к старой доброй электронщине мы полночи в баре проболтали, обсуждая тусовки Burning man и Ибицу. Второе лето я обретаюсь у него в клубе и пару раз даже диджейские сеты играл на безвозмездной основе.

– Только один трек для прекрасной голубоглазой леди, бро, – обещаю я Васе, который в клубной московской тусовке больше известен как диджей Грут.

К слову, Бэмби права, и плейлист у него – полный кал. Хотя, судя по количеству людей на танцполе и тому, с каким энтузиазмом они двигают телами, народ устраивает.

– Играй сколько вздумается, бро, – заверяет Вася. – Я пока вискарика хлебну.

Я надеваю наушники и перевтыкаю в контроллер флешку, на которой уже много лет хранится моя библиотека электронщины. А жаркий приват мне обеспечит босниец Solomun (известный диджей и музыкальный продюсер – прим. автора), потому что я точно знаю, что Ни-ке его творчество нравится – видел, как её милую задницу в прошлый раз с барной табуретки смыло на танцпол, едва его трек зазвучал.

Ловлю её ошарашенный взгляд из ВИП-зоны и с удовольствием выговариваю:

– Наслаждайся.

Да, оленёнок, вонь палёной резины и развязные руки – это не единственное, чем я могу похвастаться.

Поставив «Something We All Adore», я возвращаю наушники Васе-Груту и, вынырнув из-за пульта, топаю в ВИП за призом. Вот он стоит, кусая губы и сверкая блю кюрасао глазищами.

– Кровь вроде остановилась, – я не удерживаюсь, чтобы не провести пальцем рядом с Ни-киной ушной раковиной. – Чего не танцуешь, оленёнок? Только не говори, что трек тебе не нравится, потому что это будет враньём.

Честно говоря, я на зеркальные колени не настолько рассчитываю: просто Бэмби выглядела такой расстроенной, и я захотел немного поднять её боевой дух. Её суслик – реальный дебил. Такой раритетный экземпляр, как Ни-ка, я бы на его месте в охраняемый заповедник поместил и колючей проволокой обнёс, чтобы всяким браконьерам неповадно со своими ружьями соваться было.

Ни-ка несколько секунд буравит меня сапфировым свечением, после чего залпом осушает бокал с виски и пихает мне его в руку.

– Угадал, Кэп. Я ещё в прошлом году на его концерт в Киев моталась. От слов своих отказываться не собираюсь. Я, знаешь ли, как Ланнистеры, всегда плачу свои долги.

А пока перед глазами плывёт очередная порнографическая короткометражка, как Ни-ка садится ко мне на колени и ёрзает по ним своим упругим задом, она решительно продолжает:

– Выбери, где и когда. Имей в виду, домой я к тебе не поеду.

«Сейчас, – быстро подсказывает затвердевший суфлёр из оркестровой ямы. – В комнате чил-аут».

– Раздеваться не буду, и руки тебе запрещено распускать, понял?

– Уверен, что ты хороша, Бэмби, но вряд ли настолько, – усмехаюсь я, чтобы немного сбить с неё спесь, на что Ни-ка самодовольно фыркает, вскидывая подбородок.

– Веди.

Под миномётным обстрелом ревнивого взгляда Алёны и завистливых браконьерских, я веду Ни-ку в дальнюю комнату. Чёрт знает, чем обычно занимаются там другие VIP-посетители, но лично я с Лёвой пару раз безобидно играл в покер. Идеальная шумоизоляция, полумрак, комфортный диван, мини-бар и дорогая акустика.

– Музыка мне поставить, или сама? – Я ищу у Ни-ки признаки нервозности, но их нет.

Видя её пуленепробиваемое спокойствие, сам немного нервничать начинаю. Всё-таки между нами по-прежнему два минуса маячат: орущий дед Игорь и рабочая субординация. Жалкий минус в виде наличия лоховатого суслика я мысленно запихнул глубоко ему же в анус.

– Расслабьтесь уже, Максим Гасович, – томно воркует Бэмби, глядя на меня из-за плеча. – Я всё сделаю сама.

От таких слов я даже взмок немного, но вида, разумеется, не подаю. Плюхаюсь на кушетку и вытягиваю ноги. Стриптизом меня ещё с шестнадцати нельзя удивить, а в одежде и подавно.

Ни-ка в течение минуты возится со стереосистемой, после чего приват-помещение оглашается звуками чего-то знакомого и эротичного.

– Супер Майк? – с ухмылкой поднимаю я брови. – Серьёзно?

– Просто заткнись, – ласково приговаривает Ни-ка, и уже через секунду начинается полный капец.

Я, конечно, имел возможность оценить язык её тела на танцполе, но сейчас понимаю, что там она, очевидно, сильно стеснялась. Потому что ни одна самая топовая гоу-гоу не умеет так виртуозно двигать задом, одновременно исполняя танец живота. Макс-Джуниор так активно пытается до неё дотянуться, что меня даже с дивана приподнимает.

– Ты вроде на коленях обещала.

Я сглатываю, глядя, как Ни-ка, повернувшись ко мне спиной, выписывает членосводительные восьмёрки.

– Вы такой нетерпеливый, Макс Гасович, – бросает она из-за плеча и, опустив ладонь вниз, коротко лупит себя по ягодице.

Блядь. Надеюсь, у меня над ширинкой дым не клубится, потому что горит-то в трусах нехило. Я никогда не тяготел к пошлым фантазиям «босс нагибает стажёрку», но сейчас готов признать, что в этом определённо что-то есть.

Когда Ни-ка сексуальным грузом приземляется ко мне на колени, приходится сжать руки в кулаки и на всякий случай засунуть себе под задницу, чтобы её не облапать. Её сиськи в этом корсете – соблазнительная витрина бельевого магазина, ванильно-жасминовый запах дурманит мозги, и бёдра извиваются так,

словно хотят содрать кожу с моих коленей.

- В МГУ танцевальный факультет открыли? Ты где так...

Я не успеваю договорить, потому что Ни-ка прижимает палец к моему рту и, накрыв нас шалашом из волос, мурлыканьем возвращает мне фразу.

- Просто предпочитаю не раскрывать всех навыков сразу.

Я машинально прикусываю её палец и заглядываю в глаза:

- Звучит как обещание.

Не переставая объезжать мои колени, Бэмби отстраняется и, положив руки мне на плечи, даёт обзор на шоу танцующих сисек. Надеюсь, этот трек не продлится слишком долго, потому что штаны у меня не резиновые. А лучше будет зациклить его на повтор.

- Нравится то, что видишь, Кэп?

Вот что-то есть в голосе Ни-ки, от чего мой и без того зашкаливающий тестостерон достигает критической отметки, и я, оторвавшись от танцующей ложбинки, хриплю:

- Повернись.

Ни-ка на долю секунды замирает, широко распахнув глаза, после чего её бедра грациозно отъезжают назад, оставляя на моих коленях дымящийся след. В следующем кадре, татуировкой впечатавшемся мне в память, она разворачивается, и джинсовые полушария оказываются в опасной близости от моего лица.

Бэмби опускается задом прямиком мне на член и, призывно выгнув спину, замирает. Можно было бы сказать: «Сюрприз», но какой это, на хрен, сюрприз. Мы ещё в дверь не успели войти, как Макс-Джуниор превратился в кирпич.

Её задница на моём стояке – это больше, чем я способен осилить. Не помогают и далекие английские гены, и даже воспитание мамы. Поэтому я слабовольно даю волю рукам и, сжав в кулаке тёмные пряди, оттягиваю голову Бэмби назад.

– Продолжай.

Даже сквозь громкий вокал Ginuwine я слышу, как учащается дыхание Ни-ки, когда она делает умопомрачительное движения бёдрами, прокатываясь по всей длине одубевшего от восторга ЭмДжея. Блядь, блядь, блядь. Волосы у неё гладкие и густые, задница упругая настолько, что у меня окончательно едет крыша и я даю себе карт-бланш: запускаю свободную ладонь под кружево майки и глажу разгоряченную кожу.

– Ты вроде руки обещал не распускать, – бормочет Бэмби, не прекращая танцевать на моей эрекции.

Ещё никогда никого мне так не хотелось трахнуть. Разве что Кейт Бекинсейл, когда мне было пятнадцать. Зачётная, кстати, старушка.

– Я соврал. – Сильнее сжимаю волосы и тяну к себе до тех пор, пока её голова не оказывается лежащей у меня на плече.

Бэмби отводит руку назад и, впившись ногтями в мой затылок, продолжает извиваться, доводя мою ширинку до исступления. И дрожит, будто зовёт меня к ней прикоснуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/ru/salah_alayna/amerikan-boss

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)